

В. А. БАХТИНА
(Москва)

ВОЗВРАЩЕННЫЙ ВС. Ф. МИЛЛЕР

Рецензия на: Вс. Ф. Миллер. Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты. Исследования / отв. ред. М. И. Исаев; сост., вступ. ст., библиогр. указ. трудов Вс. Ф. Миллера по истории, этнографии, религии, языкам народов Северного Кавказа А. И. Алиевой. Подгот. репринт. воспроизв. текстов фольклора осетин и татов, перевод с осетинского произведения осетинского фольклора, опубликованных с параллельным немецким переводом М. И. Исаева. — М.: Наука, 2008. — 998 с.

Настоящее издание вышло в серии «Памятники отечественной науки. XX век», начатой Российской Академией наук в 2005 г. Тем самым подтвержден высокий научный статус и сохраняемая ценность трудов исследователя, имевшего на протяжении более семидесяти лет ярлык «буржуазного» (и потому не только устаревшего, но и вредного) ученого, чье имя ассоциировалось в представлении многих фольклористов и этнографов только с исторической школой в эпосоведении, признанным главой которой он был, и с теорией аристократического происхождения русского эпоса [Азбелев, 2005].

Кавказоведческие работы Вс. Ф. Миллера известны узким специалистам, а между тем они не лишены более всеобъемлющего методологического значения для многих областей гуманитарного знания. Миллер выступает в них как исследователь широкого (как теперь говорят) профиля: археолог, этнограф, фольклорист, лингвист, историк языка и просто историк, диалектолог, литературовед, религиовед, антрополог. В любой из этих областей науки он обнаруживает незаурядные познания, что позволяет ему осуществлять по-настоящему комплексное всестороннее изучение любого, даже самого камерного, вопроса и делать далеко идущие перспективные выводы.

Рецензируемый сборник состоит из двух частей. В первой, наиболее обшир-

ной, помещены репринтные издания двуязычных трудов Вс. Ф. Миллера, посвященных ираноязычным народам Северного Кавказа, преимущественно осетинам, горским евреям-татам и татам-мусульманам. Из осетинских текстов в эту часть книги вошли знаменитые «Осетинские этюды», части 1 и 3, включающие различные жанры осетинского фольклора: сказания о нартах, сказки, местные предания и песни, загадки, пословицы. Кроме того, в этой части публикуются пять осетинских сказок из осетино-немецкого двуязычного сборника, подготовленного Вс. Ф. Миллером и Р. Штакельбергом (впервые эти тексты представлены и на русском языке: их перевод с осетинского осуществлен М. И. Исаевым, а сам сборник с 1891 г. не переиздавался). В этом же разделе помещены дигорские (диалект осетинского языка) сказания, все тексты снабжены комментариями и разъяснениями Вс. Ф. Миллера. Фольклор горских евреев-татов и татов-мусульман представлен текстами сказок, историй, снабжен еврейско-татским и татско-русским словарями, исследованием и комментариями, тщательно подготовленными Вс. Ф. Миллером.

Вторая часть книги состоит из статей и выступлений Вс. Ф. Миллера, в которых фольклор разных народов Северного Кавказа (осетин, чеченцев, кабардинцев, ингушей, грузин, армян и др.) дается на широком сравнительном материале. Здесь же публикуются «путевые очерки» Вс. Ф. Миллера, своеобразные дневники, заметки, впечатления от поездок по Северному Кавказу с вкраплениями, а иногда и подробными описаниями верований, семейного быта, общественного уклада жизни, обрядов и обычаев. Время от времени Вс. Миллер включал в текст дневника попутно услышанные топонимические и родовые предания, рассказы о происхождении природных и культурных объектов. Стилистика этих очерков отличается от строгого академизма статей и исследований: здесь немало личных впечатлений и наблюдений, описаний природы и богатств местного края. В них обнаруживается тонкая душа Всеволода Миллера — поэта и романтика, человека неравнодушного и увлекаю-

щегося, позволявшего себе помечтать о будущем преобразованиях, которые неизбежно придут сюда по мере освоения здешних недр. Он сожалеет, что «втуне» пока остаются алагирские серные источники (не в пример пятигорским), но полагает — «может быть придет время, когда и на это место будут съезжаться больные <...> поезд железной дороги будет мчаться по берегу Ардона...» (с. 783). Он испытывает чувство жалости к художникам, которые живописуют кавказские красоты, ограничиваясь «избитыми видами военно-грузинской дороги».

Но главным в его кавказоведческих трудах было обращение к духовному наследию кавказских народов. Ему принадлежит приоритет в постановке и решении некоторых основополагающих проблем нартского эпоса (в первую очередь, осетинского). А. И. Алиева в обширной вступительной статье «Академик В. Ф. Миллер и развитие российского академического кавказоведения в конце XIX — начале XX в.» следующим образом формулирует эти проблемы: «многонациональный характер нартского эпоса <...>, вопрос о стадийной принадлежности этого памятника (эпос не мифологический, но персонажи языческого пантеона играют в нем существенную роль); сходство северокавказского эпоса с русским и отзвуки иранского эпоса в сказаниях о нартах как материал для решения вопроса об их происхождении» (с. 31). В. Миллер прозорливо предостерегал поэтов от бесперспективных попыток ставить вопросы о национальном приоритете в возникновении и распространении нартского эпоса, констатируя его существование в разноязычных одинаково значимых национальных версиях.

В статье «Кавказско-русские параллели» В. Ф. Миллер характеризует кавказский перешеек как «какой-то природный этнографический музей», создаваемый гигантским горным хребтом между двумя морями и населенный множеством народов и народностей, отколовшихся от потока переселенцев и оказавшихся «замкнутыми в мирке своей культуры». В. Миллер полагал, что Кавказ стал спасением для тех племен, которые «по историческим обстоятельствам искали защиты от напора

более сильных народов...» (с. 817). Отсюда общность появления в культурном заповеднике Кавказа и возможности контактов, с одной стороны, а с другой, своеобычность, поддерживаемая условиями природной замкнутости и труднодоступности, выражаясь словами В. Ф. Миллера, «упорная стойкость в складе жизни и в понятиях» (с. 817).

Некоторые обычаи и верования, отразившиеся в нартских сказаниях Северного Кавказа, В. Миллер возводит ко временам скифов, обнаруживая их описание у Геродота: обычай шить шубы из скальпов противника; представления о богатырской чаше, которая сама поднимается к устам наиболее достойного воина. Часть из этих обычаев, замечает В. Миллер, дошла и до современности: приемы ворожбы, погребальные обряды, почитание домашнего очага. «Тепло семейного очага» для осетин не метафора, а святое оберегаемое наследство. В. Миллер, передавая обряды и поверья, связанные с цепью, на которой висел котел (самый священный предмет в сакле), замечает, что воровство цепи было самым большим оскорблением и даже преступлением, но не для вора, а для того, кто не сумел уберечь эту реликвию: ему выражали презрение и подвергали остракизму.

В. Ф. Миллер по праву считается основоположником осетинского нарттоведения [Абаев 1945; Абаев 1948]. Из множества поставленных им проблем следует выделить некоторые, методологически значимые не только для нарттоведения, но и шире — для исследования фольклора многих других народов. В вопросе о том, могут ли нартские сказания, в частности осетинские, служить источником исторических сведений о народе, В. Миллер занимает очень осторожную позицию. Он не разделяет, по его определению, «фантастических воззрений» на этот счет Шора-Бекмурзин-Ногмова и г. Пфаффа, полагая, что, во-первых, нартские сказания требуют тщательного изучения, а, во-вторых, в них, наряду с «некоторыми историческими воспоминаниями» и чертами быта, «которые уже отжили свой век»... «масса подновлений, смешений, имен» (с. 816). Только реалии быта, обрядов, верований, полагал Миллер, могли стать основой для сопоставления эпо-

са разных народов и обнаружения их древнейших основ.

В статье «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам» Вс. Ф. Миллер проводит сопоставительный анализ черкесских, осетинских, грузинских, армянских, иранских текстов и выделяет их архаическую основу — легенды о змее, заключенном под какой-то горой. Вывод Миллера, как нам кажется, важен для сторонников и противников эволюционной теории: «Но в истории народных сказаний происходит редко такое явление, чтобы новый вид сказания вполне вытеснил прежний; напротив, обыкновенно прежний продолжает по местам существовать одновременно с новым, и переходные формы часто не сохраняются» (с. 834). Теоретическое осмысление переходных форм в фольклоре (Миллер не отрицает их возможное обнаружение), как и эволюционно выстроенные ряды произведений одного сюжета, несмотря на наличие аргументированных работ в современной науке [Смирнов, 1974; Смирнов, 1988], все же требуют дополнительных обоснований.

Встречающиеся в статьях Миллера повторные записи одного и того же сюжета от разных сказителей (например, сказка «Глупость волка», записанная от горского еврея И. Ш. Анисимова и от Агабалы Джанбахшева), а также «первый в истории нартоведения опыт сравнительной характеристики вариантов <...>, зафиксированных в разное время от одних и тех же сказителей» (А. И. Алиева, с. 32) свидетельствуют о понимании им значимости и весомости каждого отдельного варианта, что, конечно, аксиоматично для нашего времени, но на рубеже веков сохраняло все признаки новизны.

Статья Вс. Ф. Миллера «Отголоски апокрифов в кавказских народных сказаниях», в которой ученый обнаруживает параллели некоторых мотивов и эпизодов нартского эпоса с ветхозаветными, осталась, как указывает А. И. Алиева, не использованной кавказоведами. А между тем в ней указано целое направление научного поиска, так доньше и оставшееся нереализованным, а именно: «как свободно народная фантазия, — пишет

128 Вс. Миллер, — пользуется отдельными

апокрифическими лоскутками и пришивает их к другим мотивам, оставляя пестрые узоры» (с. 951). Миллер указал и источники научного поиска: армянские и грузинские апокрифы. Такое исследование могло бы пролить свет на некоторые мотивы нартского эпоса (частично они обозначены в его статье), представляющиеся, как считает Миллер, «на первый взгляд совершенно своеобразными» (с. 954). В российской фольклористике проблема влияния апокрифов на русскую эпическую поэзию также остается не исследованной в полном объеме [Порфирьев, 1890].

В свете повышенного внимания в современной русской фольклористике к проблемам «народного православия», обилия статей и материалов о памятных природных и культурных православных святынях, дискуссий историков, фольклористов, этнографов, лингвистов, культурологов, религиоведов о «двоеверии» народной культуры значительный интерес представляют наблюдения Вс. Ф. Миллера над верованиями осетин и татов. Христианство, которое было внесено из Грузии, не стало для осетин основой их веры и поклонения, будучи поглощенным исконными древними языческими верованиями. Христианские святыне превратились в языческие божества: Уастырджи (св. Георгий), Уацилла (св. Илья), Тутора (св. Федор Тирон), Киристи (Христос), Мариам (Богородица) и т. д., которые, наряду с другими дзуарами (святыми), имеют узкую специализацию, подобно Авсати (заведует охотой), Аларды (заведует оспой), Фалвара (заведует скотом) и пр. И в повседневной жизни у осетин в ходу были не христианские, а языческие имена. В дневник «В горах Осетии» Вс. Ф. Миллер записывает имя своего проводника — Саукуй (Черный пес) — имя, которое давалось слабеньким детям в надежде, что злые духи испугаются и отстанут от мальчика (с. 803). При этом у него было и христианское имя — Савва, которым ни он, ни родные не пользовались. «Оязычившиеся христиане» — так определяет Вс. Ф. Миллер верования и осетин, и балкарцев (с. 854). Несомненно ранее он отмечает, что две струи — магометанская и христианская — слились здесь с

местным культом языческих богов гор, деревьев, ущелий, образовав «какой-то странный комплекс религиозных понятий, которые нельзя назвать иначе, как язычеством» (с. 802).

Те же явления произошли и с почитаемыми осетинами святыми местами. Самая известная святыня осетин Реком была построена, как предполагал Вс. Ф. Миллер, в пору влияния Грузии на Осетию в честь св. Георгия. Однако, «...вследствие слабого влияния христианства на осетин, — пишет Вс. Ф. Миллер, — языческий элемент пересилил, св. Георгий принял окраску прежнего языческого бога и в настоящее время о христианском храме сохранилось лишь смутное воспоминание» (с. 810).

Несколько слов стоит сказать о св. Феодоре Тироне. В сообщении о поездке к горским татам, которые представляют смесь исконного здешнего населения осетин-дигорцев и пришельцев татар, Вс. Ф. Миллер отмечает, что названия месяцев у них — не что иное, как искаженные имена христианских святых: Никколай (май), Тотут (месяц Федора), Элиа-ай (месяц Илии), Башилай (месяц Василия). Описывая небольшой аульчик Тотур, Вс. Ф. Миллер замечает по поводу его названия: оно «...конечно, в честь некогда бывшего здесь дзуара (святылища. — В. Б.) одного из любимых в Осетии святых Тотура, Феодора Тирона» (с. 851). К сожалению, ни одного текста предания, легенды, песни или поверий, связанных с именем этого святого, Вс. Ф. Миллером записано не было. Однако, уже сам факт почитания его среди народов Северного Кавказа позволяет еще раз утвердиться в мысли о южном происхождении его культа. Известный только на Руси духовный стих о Феодоре Тироне был неоднократно, в том числе в недавнее время, записан в непосредственной близости от северокавказских земель у казаков-некрасовцев [Тумилевич 1947; Иванов 1994], в Оренбуржье [Бессонов 1861, № 121], в Рязанской и Смоленской губерниях [Бессонов 1861, № 124, 125], далее в центральной полосе России в Московской губ. [Бессонов 1861, № 122, 123], северной границей его бытования стала нижегородская

земля [Корепова, Храмова 2005]. Однако отголоски его обнаруживаются в коми-зырянской традиции, где Педор Кирон стал одним из героев эпических коми песен [Микушев 1987, Бахтина 2004]. На Русском Севере с его богатой эпической традицией стих известен не был.

Собранные в одну книгу работы Вс. Ф. Миллера о фольклоре Северного Кавказа приобретают какую-то особую харизму, которую невозможно уловить, имея дело с рассыпанными в разных изданиях статьями. Наблюдаешь, как варьируется мысль ученого, обогащаются его методы, утверждаются, а иной раз настойчиво повторяются наиболее значимые выводы по мере введения новых материалов и фактов. То, к чему настойчиво стремится фольклористика наших дней — к комплексности собирательских и исследовательских методов, — уже было продемонстрировано на рубеже XIX—XX вв. и совместилось в деятельности одного человека — Всеволода Федоровича Миллера.

Во вступительной статье к книге А. И. Алиева подробнейшим образом рассматривает колоссальную работу Вс. Ф. Миллера — педагога, организатора научного процесса, инициатора многих перспективных начинаний. Он преподавал в Московском университете, на Московских высших женских курсах проф. Герье, был директором Лазаревского института восточных языков. Он был бессменным в течение многих лет председателем Этнографического отдела ОЛЕАиЭ, действительным членом императорского археологического общества, членом Общества любителей российской словесности, принимал участие во всех важнейших научных мероприятиях и конференциях, откликнулся на новые работы, выходявшие в центре и национальных окраинах, воспитывал учеников. Это был воистину «талантливый духовный организм» (по определению М. Н. Сперанского).

Многочисленные некрологи, появившиеся в печати в 1913 г., статьи В. Абалева, С. Н. Азбелева, А. И. Алиевой, а также исследовательские работы о трудах и днях Вс. Ф. Миллера (см. раздел «Personalia») можно рассматривать как прообразы монографии о замечатель-

ном ученом и человеке, которая обязательно будет создана. Можно надеяться, что появится еще один том кавказоведческих исследований, рецензий, статей Вс. Ф. Миллера, оставшихся за пределами настоящей книги.

Особую ценность рецензируемому изданию придают библиографические списки. Их несколько. Во-первых, составленные самим Вс. Ф. Миллером и приложенные к его трудам. Во-вторых, насчитывающая 345 названий библиография к вступительной статье А. И. Алиевой. В-третьих, представленный в алфавитном порядке в разделе «Литература» перечень основной литературы по кавказоведению, начиная от XIX в. и кончая сегодняшним днем. Наконец, в-четвертых, погодный библиографический указатель трудов Вс. Миллера по истории, этнографии, религии, языкам, фольклору народов Северного Кавказа. Книга снабжена указателем имен и списком сокращений.

По долгу рецензента укажу на некоторые незначительные недочеты и упущения. Почему-то в книгу не вошли две работы о религиозных верованиях осетин [Миллер 1882; Миллер 1886] и две работы о погребальных обрядах у кавказских народов [Миллер 1911; Миллер 1913]. В двуязычном осетино-немецком исследовании Вс. Миллера и Р. Штакельберга о дигорском диалекте осетинского языка содержались и пять сказок, записанных на этом диалекте. В рецензируемом нами издании они были после перевода с осетинского на русский, выполненного М. И. Исаяевым (см. об этом выше), извлечены из первоначального исследования и помещены отдельно в «Приложении» (с. 539—556). При этом почему-то без перевода остались комментарии, глоссарий и другие подготовленные немецким и русским ученым сопутствующие материалы. В библиографическом указателе трудов Вс. Ф. Миллера пропущены три работы [Миллер 1903; Миллер 1927—1934; Миллер 1961], хотя в списке «Литературы» они присутствуют. В раздел «Personalia» почему-то не вошли две работы [Марков 1915; Соколов 1934], которые также наличествуют в разделе «Литература».

Итак, кавказоведческие работы Вс. Ф. Миллера свидетельствуют о широком и виртуозном применении им сравнительно-исторического и сравнительно-типологического методов (последний термин естественно Миллер не использовал) исследования фольклорного материала. При этом сопоставления производятся им как на синхронном уровне (анализ современных собирателю обычаев, верований, сказок, преданий разных народов Северного Кавказа), так и в диахронии (фольклорно-литературные связи и общности, апокрифы, исторические хроники, ветхозаветные тексты как возможные источники отдельных образов и мотивов в фольклоре). При этом часть обрядовых комплексов, как показал Вс. Ф. Миллер, сохраняет и на рубеже XIX—XX вв. глубину длительного многовекового существования. Это, в первую очередь, погребальные обряды, представления о смерти, заговоры и заклинания, всевозможные виды ворожбы. Обращаясь к мировоззренческим проблемам, верованиям и связанным с ними обычаям и ритуалам, ученый подчеркивает характерный для данного региона сложный симбиоз языческих, христианских, мусульманских воззрений и образов с явным при этом преобладанием первых. На примере многоэтнического, многодиалектного фольклора Северного Кавказа Вс. Ф. Миллер ставит вопрос об особых условиях (исторических, природных, культурных, географических), способствующих формированию и поддержанию в длительной исторической протяженности особых культурных зон с высокой памятью традиции и предельно эффективной ее сохраняемостью.

Литература

- Абаев 1945 — *Абаев В. И.* Нартовский эпос. Дзауджикау, 1945.
- Абаев 1948 — *Абаев В. И.* Всеволод Миллер как осетиновед: К столетию со дня рождения (1848—1948). Известия южно-осетинского научно-исследовательского института. Сталинин, 1948. Вып. 6.
- Азбелев 2005 — *Азбелев С. Н.* Академик Всеволод Миллер и историческая школа: эпосоведческие труды и их оценки // Вс. Ф. Миллер. Народный эпос и история. М., 2005.
- Бахтина 2004 — *Бахтина В. А.* Духовный стих о св. Феодоре Тироне (этнорегиональ-

ные трансформации) // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этитет этноса. Вып. 2. Архангельск, 2004.

Бессонов 1861 — Калеки переходные. Сборник стихов. Исследование П. Бессонова. Вып. 3. М., 1861.

Иванов 1994 — *Иванов А. Н.* «Феодор Тирон» в эпике казаков-некрасовцев // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Сб. науч. трудов ГРЦРФ. Вып. 4. М., 1994.

Корепова 2005 — *Корепова К. Е., Храмова Н. Б.* Нижегородский вариант духовного Храмова стиха о Федоре Тироне // Традиционная культура. 2005, № 1(17).

Марков 1915 — *Марков А. В.* Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности: памяти дорогого учителя // Изв. ОРЯС Имп. АН. Т. 20. Кн. 1, 2. Пг., 1915.

Микушев 1987 — Коми народный эпос / вступ. ст., пер. текстов, коммент. А. К. Микушева. М., 1987.

Миллер 1882 — *Миллер В. Ф.* Религиозные верования осетин // Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. 2. Исследования. Уч. зап. имп. Московского ун-та. Отдел ист.-филол. Вып. 2. М., 1882. С. 237—301.

Миллер 1886 — *Миллер В. Ф.* О религиозных верованиях осетин // Изв. ИОЛЕАиЭ. Т. 48. Вып. 1. Труды этнографич. отдела. Кн. 7, 1886. С. 42.

Миллер 1903 — *Миллер В. Ф.* Ossetica // Древности восточные. М., 1903. Т. 2. Вып. 3.

Миллер 1911 — *Миллер В. Ф.* О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе // ЭО. 1911. Кн. 88—89. С. 125—136.

Миллер 1913 — *Миллер В. Ф.* Некоторые древние погребальные обряды у кавказских народов // Древности восточные. М., 1913. Т. 4. Протоколы. С. 53—54.

Миллер 1927—1934 — *Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь: в 3-х т. / под ред. и с дополн. А. А. Фреймана. Л., 1927—1934.

Миллер 1961 — *Миллер В. Ф.* Язык осетин / под ред. В. И. Абаева. М.; Л., 1961.

Порфирьев 1890 — *Порфирьев И. А.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890.

Смирнов 1974 — *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974

Смирнов 1988 — *Смирнов Ю. И.* Восточнославянские баллады и близкие им формы. Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988.

Соколов 1934 — *Соколов Ю. М.* Миллер Всеволод Федорович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1934.

Тумилевич 1947 — *Тумилевич Ф. В.* Песни казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1947.

С. В. АЛПАТОВ

(Москва)

Рецензия на: Малэк Э. Разыскания по русской литературе XVII—XVIII вв.: Забытые и малоизученные произведения. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. — 400 с.

Благодаря интенсивному развитию во второй половине двадцатого столетия и фольклористики и медиевистики проблема интерпретации фольклорно-литературных связей вышла на качественно новый уровень. Все чаще исследователи древнерусской словесности сталкиваются с ситуацией, когда на классическая текстология, ориентированная на поиски конкретных источников (устных для литературного текста *vice versa* книжных для фольклорного), ни традиционная фольклористика, оперирующая массивами вариантов — вне взаимодействия и корреляции методик не достигают адекватных герменевтических результатов (см. подробнее [Гаврилина 2008]). И каждое современное исследование, проведенное на стыке дисциплин, сколь бы специальным оно ни было, волей-неволей испытывается на методологическую новизну и перспективность предлагаемых подходов.

Профессор Лодзинского университета Э. Малэк окончила в 1969 г. филологический факультет Ленинградского университета, посвятила свою многолетнюю научную деятельность польско-русским литературным и культурным связям; публиковалась в Трудах Отдела древнерусской литературы, выпустила в 1992 г. монографию «Неполезное чтение в России XVII — XVIII вв.», а в 2000 г. — первый том «Указателя сюжетов русской нарративной литературы XVII — XVIII вв.».

Настоящая книга объединила статьи Э. Малэк по ряду смежных проблем истории низовой литературы в России XVII — XVIII столетий.

Раздел первый «Мелкая беллетристика XVII — начала XVIII вв.» включает работы, посвященные взаимодействию литературной повести и народной сказки, малоизвестным вариантам «Сказания о вере христианской и жидовской», репертуару «кошунственных» (пародийных) текстов в России переходного периода.